

Смерть отключает телефон

Автор:

[Анна Данилова](#)

Смерть отключает телефон

Анна Данилова

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Выйти замуж – как отправиться на лодке в новую жизнь, говорят древние мифы. А что, если это путешествие прямо со свадебного пира в царство мертвых? В городе паника: все гости, побывавшие на свадьбе бизнесмена Малинникова, пропали. Если их убили, почему нет ни единого тела? Если они живы, как объяснить, что никто из бывших гостей не отвечает на звонки? Самое удивительное, что и полгода спустя после загадочной церемонии в доме, где она проходила, все выглядит так же, как в день торжества: столы накрыты, бокалы полны, фата невесты небрежно брошена на стул...

Анна Данилова

Смерть отключает телефон

1

– Глафира, по-моему, ты похудела за последние пару недель, – заметила Лиза.

– Да, я тоже так думаю. Если раньше я весила двести килограммов, то теперь – сто восемьдесят. Но это тоже результат.

Глафира Кифер отжала тряпку и принялась вытирать паркет уже возле самого порога их конспиративной, как они ее называли, квартиры, где Лиза (на табличке значилось: «Елизавета Сергеевна Травина. Адвокат») принимала своих клиентов.

- Тебе еще не надоело мыть здесь полы? Давно уже взяли бы на работу уборщицу.

- Мы уже говорили об этом, Лиза. К чему нам посторонние? - возразила Глафира.

- Ладно-ладно, не кипятись. Давай, заканчивай с уборкой.

Лиза сидела за столом, заваленным документами и толстыми томами юридической литературы, попыхивала сигареткой, морща при этом лоб. Ее тонкие очки поблескивали золотом оправы. Был вечер, от настольной лампы «Tiffany» с мозаичным абажуром - веточки-цветочки-виноград - исходил мягкий, с разноцветными, розовато-зелеными бликами, свет.

В комнате было тепло, уютно, чуть слышно тикали старинные часы на камине, и Глаша, закончив уборку, уже предвкушала последнюю за этот вечер чашку чая, и - домой. Как вдруг раздался телефонный звонок. Вообще-то телефоны надрывались круглосуточно, и, как правило, все это были очень важные деловые разговоры, то есть обыкновенная каждодневная текучка. Но в этот раз Глашу, которая мыла руки над раковиной и в приоткрытую дверь слышала все то, что говорила Лиза, охватила тревога, как если бы разговор касался ее лично. Но нет, она ошиблась. И Лиза просто кого-то выслушивала, черкала что-то в своем рабочем блокноте, качала головой, словно удивляясь чему-то, хмурила свои тонкие брови и постукивала холеным указательным пальчиком по сигарете, стряхивая пепел в большую малахитовую пепельницу.

- Надо же... как интересно! Хотя, если честно, ничего-то интересного я и не наблюдаю. Сейчас люди постоянно исчезают. Я даже начинаю подумывать, что это происки инопланетян... Что? Ой, извините, если я вас обидела. Но это не шутка. Просто слишком много людей пропадает или лишается памяти. Да-да, все понятно, вам все это кажется чрезвычайно важным. Значит, говорите, что Вера Нечаева пропала ровно полгода тому назад и вы ее больше не видели? Это я поняла. Ее муж, точнее, сожитель говорит, что он понятия не имеет о том, где

его жена. Так. И что? Вы хотите спустя полгода после ее исчезновения найти ее?..

Лиза молча выслушала все, что ей ответили. Вздохнула:

– В каком-каком городе? В Москве? Хорошо. Ваш приятель видел ее или женщину, удивительным образом похожую на Веру. Что ж, значит, она жива и здорова. Тогда в чем проблема? Поезжайте в Москву, попытайтесь там разыскать ее. Обратитесь в паспортную службу. Уже? И что вам сказали? Понятно. Говорю же – знакомая история! А я вам чем могу помочь? Ладно, уговорили... приходите. Я подожду с полчаса, не больше. Успеете?

Лиза отключила телефон, встала из-за стола и потянулась. Худенькая, высокая, она тряхнула своими распущенными волосами, потом собрала их, намотала на кулак и укрепила на затылке большой шпилькой.

– Глаша, ну что ты на меня так смотришь? Ты же слышала, правда? Конечно, мы можем отказаться, но, с другой стороны, а почему бы и не попробовать поискать эту женщину?

– Меня Адам ждет.

– Подождет! Позвони ему и скажи, чтобы ужинал без тебя. Тебе вообще вредно ужинать. Сделай себе лучше бутерброд, свари кофе. Глаша, не оставляй меня одну! Послушаем, что скажет нам этот страдалец, и потом пойдешь к своему Адаму. У нас, если ты не забыла, ненормированный рабочий день. Кстати говоря, сегодня на наш счет поступили денежки. Помнишь дело братьев Уваровых? Вот. Мы хорошо с тобой поработали, братьев отпустили. Вот Андрей, старший, и поблагодарил нас, доплатил, так сказать.

– Может, я тогда за пирожными сбегаю? – Глаша порозовела. – Так почему-то сладенького хочется.

Сказала – и тут же почувствовала угрызения совести. Подумаешь, деньги на счет пришли! Как будто бы без них она не могла себе позволить пару пирожных! Получается, что она при каждом удобном случае покупает себе пирожные. И

конфеты. Кошмар!

– Кто бы сомневался?! Конечно!

– А на твою долю брать или как? – на всякий случай спросила Глафира, зная, что Лиза откажется от калорийного перекуса.

– Нет, я сухое печенье погрызу. Ты-то, вон, уже устроила свою жизнь, отхватила себе Адама. А мне еще только предстоит выйти замуж, поэтому я должна следить за фигурой.

Глафира улыбнулась. Она знала эту привычку Лизы подтрунивать над ней. В каждом ее слове сквозил упрек, который Лиза не могла озвучить напрямую – мол, хватит жрать, Глашка, и так ты уже разжирела, как свинья. Нет, она делала это интеллигентно, предоставляя Глафире полную свободу действий и не ограничивая ее ни в чем. И от этого-то Глаше становилось еще более неловко.

Она набросила шубку и выбежала на улицу. Промчалась несколько метров по заснеженному тротуару и нырнула в яркий и теплый мир кондитерской. Там, за стеклянной сверкающей витриной, на больших блестящих подносах лежали ровными рядами нежнейшие пирожные: эклеры, буше, бисквиты, песочные, корзиночки с фруктами... За столиками сидели такие же сумасшедшие любители сладкого и поедали всю эту вкусноту, запивая лакомства чаем и кофе.

Когда Глаша вернулась, напротив Лизы уже сидел худощавый, в черной курточке мужчина и мял в руках норковую шапку.

– Присаживайся, Глафира. Господин Наумов, знакомьтесь, это моя помощница. Вы можете спокойно излагать все в ее присутствии. Итак. На чем мы остановились?

Господин Наумов с тревогой посмотрел на Глафиру. Та поставила коробку с пирожными на столик, присела рядом с письменным столом в кресло и вся обратилась в слух.

- Так когда же все это произошло?

- Шестнадцатого июня две тысячи восьмого года. Она перестала отвечать на мои звонки.

- Вера Нечаева жила одна?

- Нет, что вы! - замахал руками Наумов. - Я же говорил вам по телефону! У нее был муж. Гражданский муж. Страшный человек, скажу я вам! Во-первых, он пил, а во-вторых - бил Веру. Когда я пытался встретиться с ней, она всегда находила тысячу причин, чтобы только не прийти на встречу. И я понимал, в чем дело. Вероятно, он снова разбил ей лицо... Она хоть и замазывала синяки крем-пудрой, но все равно оно становилось синюшным, ужасным. Если бы вы только знали, какой она была красивой девушкой! Ведь мы познакомились с ней, когда ей было всего двадцать лет. К сожалению, она не выбрала меня. Хотя я и предлагал ей руку и сердце. Она стала сожительствовать с этим... Халиным. Я даже имени его не знаю. Знаю только, где они жили.

- Вот вы постоянно говорите о Вере в прошедшем времени. Вы думаете, что ее нет в живых?

- А что мне еще думать? Ведь, если бы Вера была жива, она непременно бы мне позвонила.

- Вы обращались в милицию? - спросила Глафира, стараясь отвлечься от мыслей о пирожных.

- Да. Знаю, что и Халин тоже туда обращался. И милиция приняла оба наших заявления. Но Веру не нашли.

- Кто и когда видел ее в последний раз?

- Халин! - воскликнул Наумов в каком-то отчаянии и даже заломил руки. - Она же с ним жила, вот он ее и видел.

- Что он вам рассказал? Или вы с ним не разговариваете?

- Он тоже был расстроен тем, что Вера пропала, поэтому, отбросив все условности - а он прекрасно знал, что я люблю Веру, - рассказал мне, что она в последнее время вела себя как-то странно. Словно вся светилась изнутри. То есть она держалась так, как если бы в ее жизни случилось нечто необыкновенно приятное. Накануне она сходила в парикмахерскую, сделала прическу, надела свое самое лучшее платье, сказала, что ей нужно куда-то уехать, вернется поздно вечером, и ушла.

- И Халин отпустил ее?

- Я понимаю ваш вопрос. Нет, он не был тираном в прямом смысле слова. Конечно, он ревновал ее, но так, чтобы никуда ее не отпускать и устраивать ей сцены ревности - нет. Просто когда он пил, то становился агрессивным и придирался ко всяким мелочам. Ты, говорит, тарелку не на место поставила... Вот так. И это при том, что в доме у них постоянно был беспорядок, он сам все разбрасывал, оставлял после себя, когда Вера была на работе, гору грязной посуды, не помогал ей, не пылесосил...

- Он нигде не работает?

- Тогда не работал, а как сейчас - понятия не имею.

- И что? Что он говорит - куда могла пойти Вера с новой прической и в своей самой нарядной одежде?

- Он предполагает, что она отправилась на собеседование, что ей надоело мыть полы в своей конторе и она решила устроиться на более приличную работу.

- Например?

- Воспитательницей в детский сад. Или устроиться няней в семью. Она же педагог по образованию.

- А что, если она встретила какого-то человека, мужчину, и отправилась на свидание? Такое вам в голову не приходило?

- Это исключено! Вера не такая.

– Ясно. И что было дальше?

– Да ничего! У меня сложилось такое впечатление, будто бы Веру никто не искал и тем более сейчас не ищет.

– Что вы сами предполагаете?

– Возможно, Халин убил ее, – тихо сказал Наумов. – Ударил так, что она скончалась. Убил и закопал где-нибудь. А потом делал вид, что ищет ее! Вот такие у меня мысли. Елизавета Сергеевна, я много о вас слышал. Знаю, что у вас практически нет нераскрытых дел.

– Но я вообще-то адвокат.

– Я знаю, что вы, помимо вашей адвокатской деятельности, проводите и собственные расследования. Прошу вас, помогите мне найти Веру или хотя бы выяснить, что с ней стало! Вот уже полгода я не могу спокойно спать! Я постоянно думаю о Вере. Страшные картины ее смерти преследуют меня...

– Почему же вы не обратились ко мне раньше? На что-то надеялись?

– Да, если честно. Я думал, что Вера могла элементарно спрятаться от Халина. Я ездил к ее матери, в деревню Новоселово, это под Рязанью. Я не стал пугать старушку, не сказал ей, что Вера пропала. Просто заехал к ней и спросил, не знает ли она, где можно разыскать мою одноклассницу, Веру Нечаеву. И мать охотно дала мне ее саратовский адрес. То есть тот самый, где она жила в последнее время с Халиным.

– Больше вы никуда не обращались? К частному детективу, например?

– Нет, ни к кому.

– Тогда ответьте мне на такой вопрос, господин Наумов...

– Меня зовут Валерий.

– Хорошо, Валерий. Скажите, если бы Вера оказалась в сложной ситуации, к кому бы она обратилась за помощью?

– Не знаю...

– А почему не к вам?

– Да потому, что она знала, что я влюблен в нее, жду, когда она уйдет от Халина, но не хотела меня обнадеживать. Она никогда не любила меня, даже не замечала.

– Но ведь Халин избивал ее! Неужели ей не хотелось как-то изменить свою жизнь?

– Она однажды сказала мне, что если и бросит Халина, то будет жить одна. И только одна. Что она разочаровалась в мужчинах и все такое...

– Вы не спрашивали, почему она не бросит Халина?

– Как же! Конечно, спрашивал. Она отвечала так: если я его брошу, он окончательно сопьется и умрет.

– Знакомая картина, – вздохнула Лиза и захлопнула блокнот, тем самым давая понять: все, что ее интересовало, она уже выяснила. – Так говорят многие женщины. Жертвы домашнего насилия. Бедняжки-бедолажки. Я не понимаю их и никогда не пойму. Но это – их жизнь. Вот и Вера ваша такая же. Пожалуйста, Валерий, напишите здесь ваши координаты, данные Халина и вообще все-все, что знаете. Телефоны, адреса.

– Вы не беспокойтесь, у меня есть деньги, я заплачу вам за работу.

Лиза улыбнулась:

– Да я как-то и не беспокоюсь. Только хочу предупредить сразу: никаких гарантий я дать вам не могу. Сделаю все, что в моих силах, не более. Но что-то подсказывает мне, что она жива.

Наумов встал. Плечи его опустились, взгляд погас. Обреченной походкой он направился к выходу.

– Выше голову, Валерий! Может, еще не все потеряно! – попыталась приободрить его Лиза. Когда за ним закрылась дверь, она сказала Глаше: – Казалось бы, такое простое дело! Пропала женщина. Но мне почему-то кажется, что здесь что-то не так... Завтра ты отправишься к этому Халину. Попробуешь разговорить его, хорошо? А то у меня в девять одно судебное заседание, в три – другое. Не представляю, как я все это осилю. Да и дела-то все такие сложные! Убийства.

Глаша кивнула.

Лиза протянула ей листок, где были записаны все адреса и телефоны по новому делу.

– Пирожные отнеси Адаму. Все, рабочий день закончился. Знаешь, Глаша, с тех пор как ты вышла замуж, все как-то изменилось. Ты все время рвешься домой. Как было хорошо, когда ты принадлежала только мне! Вспомни, как много мы всего успевали!

– Ты хочешь, чтобы я разошлась с Адамом?

– Нет, конечно! Передавай ему привет.

2

Июнь 2008 г.

– Заходи, заходи, Тамара. Я сейчас кофе сварю.

Соседка прошмыгнула в квартиру Нины Петровских и, оказавшись в кухне, села на свое любимое место – возле окна.

– Что, опять поссорились с мужем?

– Да. Надоело уже! Каждый раз одно и то же, даже и говорить с ним не хочется. Он сейчас вышел из дома, отправился в магазин, за хлебом и сахаром. А я к тебе – покурить, поболтать о нашем, о женском.

Нина Петровских, хозяйка, бледная худенькая женщина, была одета в домашние серые штаны и тонкий свитер. Светлые волосы стянуты в тугий узел на затылке. Кончик носа розовый, да и глаза как будто бы заплаканные. Она подлила воды в кофеварку, вычистила из нее остатки утреннего кофе, заправила ее новым, свежим. Включила. И обеим женщинам показалось, что с того момента, как загорелась красная кнопка, и у них самих начался отсчет нового времени в их жизни. И что жизнь, в сущности, продолжается.

Тамара Розова, черноглазая брюнетка, коренастая, в ярком нейлоновом халатике, смотрела, как кофе густой пенистой струей льется в подставленные чашечки.

– Знаешь, мне иногда кажется, что все наши беды – от мужиков. Но когда я прихожу к тебе, то понимаю, что это не так. Что еще случилось? Я же вижу, у тебя глаза на мокром месте. Что, Алиска снова дома не ночевала?

– Нет, не ночевала. Я могу только догадываться, где она. Но что мне толку ходить в ту квартиру? Я все равно не могу ее запереть дома. Ты бы видела ее, Тома! От нее остались кожа да кости. Как Саша от нас ушел, так вся наша семья – как поезд под откос пошла. Алиса так тяжело это переживала, так тяжело... Я даже думаю, лучше бы она замуж вышла, чем все так получилось. За последние полгода она вынесла из дому все, что можно было продать: телевизор, ноутбук, компьютер, видео, музыкальный центр, даже морозилку маленькую, ты знаешь.

– Она тебе все равно не была нужна. Просила же тебя, продай мне, а ты... Вот, пожалуйста! Теперь ее вообще у вас нет.

Тамара сказала это, но потом вдруг поняла, что сморозила глупость, и замолчала, тупо уставившись в свою чашку.

– Извини, – чуть позже выдавила она из себя.

- Да ладно. Тома, разве я могла тогда предположить, что моя единственная дочь станет наркоманкой, будет таять у меня на глазах! И мне не жалко всего этого, я спокойно могу обойтись и без телевизора, тем более что я и дома-то почти не бываю. Я постоянно на работе.

- А вот, кстати... Кофеварка! И как это она ее еще не унесла?

- Не знаю. Но каждый раз, возвращаясь домой с работы, я думаю: продала она ее или нет? В любом случае ничего уже не изменишь. Мне кажется, что она долго так не протянет. Она же почти ничего не ест! Ты бы видела, во что превратились ее руки... Да и ноги тоже. Она иногда колется прямо через штанину! У нее на ногах ранки, язвы..

- В милицию ты не обращалась?

- Нет. Боюсь, что тогда за ней станут наблюдать и найдут у нее при себе несколько доз. Или сами подкинут, чтобы повесить на нее какое-нибудь дело, и упекут ее за решетку.

- Зато тебе легче станет. А там-то наркотиков нет, глядишь, и отвыкнет она от этой гадости. И вернется к тебе здоровым человеком.

- Да нет, Тома, там она вообще умрет. У нее же организм ослабленный.

- Что же делать?

- Знаешь, иногда мне даже хочется, чтобы она умерла! Но, если это случится, я сразу же отправлюсь следом за ней. Я не вижу себя без нее. Мы с ней когда-то были единым организмом. У меня ведь была хорошая дочь! Она прилично училась, была адекватным, как теперь принято говорить, ребенком. Все понимала. И знала, что наркотики - это прямая дорога в ад. Как отец от нас ушел, так в ней что-то и надломилось. Связалась не с теми друзьями-подружками, стала часто пропадать по ночам. Учебу забросила, даже мыться стала редко, только когда волосы уже в паклю превращаются. Мне страшно смотреть на нее, Тома!

– Хорошо, что я тебе ключи от своей квартиры больше не оставляю. Помнишь, как у тебя на гвоздике в прихожей всегда висели мои запасные?

– Да, хорошо. – Нина отвернулась к окну. Она и сама не знала, зачем рассказывает все это соседке. Просто как живой душе. Но Тома не живая. Она – просто соседка. Как из картона вырезанная. И сердца у нее тоже нет. Она озабочена только своими проблемами и приходит сюда, к Нине, просто как в нейтральное помещение, где можно спрятаться от мужа и покурить, и все. И еще, наверное, она получает особое удовольствие, сравнивая свои проблемы, связанные с гулящим мужем, с проблемами Нины. Само собой, что на фоне наркоманки-дочери гуляка-муж воспринимается уже не как ужасное зло, а так – как легкая неприятность. Муж-то из Томкиной квартиры не выносит компьютеры-телевизоры, не исчезает на сутки, не ходит, весь грязный и вонючий, с пустыми глазами и синими от инъекций конечностями. Больше того, ее муж, чтобы загладить свою вину перед женой, старается больше денег приносить в семью, подарки Томе делает, даже полы моет! Вот разве что курить ей не разрешает. Но и это, как показалось Нине, тоже некая своеобразная игра Тамары в благопристойность. Мол, смотри, какой у меня серьезный муж и как он бережет мое здоровье, не разрешает мне курить. Как будто он не знает о том, что его жена покуривает, что от нее пахнет табаком...

«Господи, мне бы их проблемы!»

– Знаешь, говорят, что наркоманы... Что им даже секс не нужен, они удовольствие от дозы получают. Так что хотя бы в этом тебе повезло, – заметила Тома.

Нина закрыла глаза. Что она, Тамара, знает о наркоманах? А что бы она сказала, если бы увидела, что Алиса приходит домой под утро, в джинсах на голое тело, что она давно уже не носит нижнего белья? И на теле ее заметны следы сильных мужских рук, на бедрах не проходят синяки... Что ее используют все, кто хочет, когда она находится в полубессознательном состоянии и валяется где-то на матрацах в этих жутких хазах – квартирах, где собираются наркоманы.

Что если раньше в карманах ее штанов или курток можно было найти презервативы, то теперь они исчезли, а это говорит о том, что Алиса давно уже не предохраняется. И просто удивительно, как она еще не забеременела!

– Мне бы денег добыть, и я положила бы ее в клинику, – вдруг оживилась Нина. – Честное слово, я бы пошла на все, чтобы только раздобыть эти деньги!

– Что, даже на воровство?

– Да хоть на убийство, – выговорила Нина побелевшими губами и вдруг, поняв, что ее собеседница, по сути, очень опасная женщина, что она своими вопросами практически провоцирует ее на преступление, прикусила губу. – Это я так... Шучу.

– Да тебе не до шуток, раз ты такое сказала. – Тамара загасила сигарету и поднялась. – Ладно, Ниночка, мне пора. Сейчас мой вернется с хлебом, а у меня борщ на плите. Как бы огонь не залило. А ты... того! Смотри, глупостей не наделай! Да, вот что еще я хотела у тебя спросить. Помнишь, ты говорила, что тебя один мужчина домогается? Что он небедный? Так вот, ты гордость-то свою отбрось, ну и что, что он женатый? Позвони ему, объясни ситуацию, попроси денег. Ты же ради дочери это сделаешь!

Нина вспыхнула. И туда тоже засунула свой нос соседка! Ее ли это дело?

– Хорошо. Иди, Тамара, к себе. У тебя там борщ выкипает. Пока.

Она закрыла за соседкой дверь, вернулась в кухню. Что делать? Как жить дальше? Подключать милицию? Положить Алису в наркодиспансер? Но без денег кто станет лечить Алису? Она выйдет оттуда и снова примется за старое.

В дверь позвонили. Нина подумала, что это вернулась соседка. Может, зажигалку забыла, как обычно?

Но на пороге стоял незнакомый представительный мужчина. Хорошо одетый, интеллигентного вида. Лет сорока.

– Вы – Нина Васильевна Петровских?

Она испугалась, что он из милиции. И хотя она еще ни разу не видела представителей закона в таких костюмах и к тому же терпко благоухающих хорошими мужскими духами, все равно внутри у нее все напряглось. Неужели с Алисой что-нибудь случилось и ее, мать, сейчас повезут на опознание?

- Что-нибудь с Алисой? - прошептала она, потеряв от волнения голос.

- Нет-нет, успокойтесь. Это совсем не то, что вы подумали.

Он сказал это так, словно знал нечто об их семье. И об Алисе - тоже.

- Посмотрите, это ваши паспортные данные?

Он протянул ей сложенный пополам белый лист с отпечатанными на нем несколькими словами.

Нина быстро пробежала взглядом прыгавшие строчки и кивнула:

- Да, все правильно. Так что случилось?

Все равно все ее мысли крутились вокруг Алисы.

- Это вам. - И посетитель протянул ей большой белый конверт из плотной бумаги.

3

Халин сказал Глафире примерно то же самое, что и Наумов. Да, мол, жена его исчезла неожиданно. Сходила в парикмахерскую, надела свое лучшее платье из шифона, очень красивое платье. Нарядилась, причесалась и куда-то отправилась.

Квартира Халина представляла собой классическое жилище алкоголика. Обшарпанные обои, вздувшийся линолеум, грязная плита, которую невозможно

отчистить (место ей – на помойке), пожелтевшие занавески, несвежая смятая постель...

Глафира презирала его с первой секунды, как только вошла в квартиру.

– Послушайте, Геннадий! Вы, как никто другой, должны были знать, куда могла отправиться ваша жена в таком нарядном виде. Как часто она позволяла себе делать прическу в парикмахерской?

– Один раз, когда мы с ней устроили что-то вроде свадебного ужина... просто посидели дома, она пожарила курицу. Она была в тот вечер такая красивая...

«А ты урод и скотина!»

– У нас есть сведения... – Глафира представилась помощником прокурора, она даже оделась соответственно – в строгий синий костюм – и теперь пыталась просто раздавить этого гнусного алкаша и, быть может, убийцу, как таракана. – ...что вы неоднократно избивали свою сожительницу: она постоянно ходила с синим лицом и разбитыми губами. Так, может, вы сознаетесь, что это вы нечаянно прибили ее своим кулаком?

При этом Глаша посмотрела на кулачок этого опустившегося, с болезненным одутловатым лицом мужчинки, и ее чуть не стошнило. Кулаком?

– Покажите, пожалуйста, фотографию вашей сожительницы – Нечевой Веры Ивановны.

– Хорошо, сейчас покажу...

Халин несколько секунд пытался попасть босыми ногами в расхлябанные тапки, валявшиеся под кухонным столом, но потом, решив, что ему это не удастся, босиком поскакал куда-то в глубь квартиры.

Вернулся он с фотографией, застекленной, в выцветшей деревянной рамке. На снимке была изображена довольно молодая женщина с пышными светлыми волосами, синими глазами и удивленным взглядом: мол, и что это вы меня

рассматриваете, что вам от меня нужно?

Глафира тотчас представила себе ее – с обезображенным от побоев лицом.

– Скажите, Халин, что вы с ней сделали?! Куда дели ее труп? Закопали в лесу, растворили в кислоте, привесили к телу камень и утопили его в Волге? – заорала на него Глафира. – Быстро отвечайте!

Халин вжал голову в плечи и зажмурился, словно веря в то, что эта внушительного вида молодая женщина в синем костюме, представитель прокуратуры, может его, если что, и ударить.

– Ну?!

– Да не убивал я ее, клянусь! – проблеял он. – Говорю же, она куда-то отправилась! Может, подумал я, работу искать... Вот и принарядилась.

– Почему именно – искать работу? По-вашему, у женщины, помимо работы, и интересов никаких нет? А может, у нее появился другой мужчина? Разве такое не могло случиться?

– Э, нет! С Верой такого произойти не могло. Она была женщина серьезная.

– Так все-таки «была»? Вы не заметили, что сказали о ней в прошедшем времени?

– Так ее же целых полгода нет! Если бы она была жива, думаете, не позвонила бы?

– Откуда мне знать!

– А я знаю ее. Она даже когда задерживалась на работе, всегда меня предупреждала. Она была очень дисциплинированной женщиной. И вообще, я ее любил! И она это знала, поэтому и не бросала меня. Я знаю, что другая на ее месте давно бы сбежала, начала новую жизнь. Вот, кстати! Она могла бы, между прочим, уйти к одному своему воздыхателю, его фамилия Наумов. Валерка Наумов. Но он тоже ищет ее. Страдает! Спросите у него, он вам расскажет,

какой была Вера. Он вообще относился к ней как к принцессе!

– Где работала ваша жена?

– В одном офисе, мыла там полы. И неплохо, между прочим, зарабатывала. Но только какая это работа? Я знаю, что эта работа унижала ее, и Вера мечтала – если, конечно, это можно назвать мечтой – устроиться няней, к примеру, в какую-нибудь семью. У нее было педагогическое образование. Когда-то давно, когда она была совсем девчонкой, она работала в детском саду, воспитателем.

– Я должна осмотреть ее комнату.

– У нее нет своей комнаты. У нас только общая спальня.

– Хорошо, значит, ведите в спальню. У нее зеркало с туалетным столиком было хотя бы или ящик письменного стола, где она хранила свои документы, бумаги, фотографии, да мало ли что?!

– Да. Небольшое трюмо. Пойдемте, я вам покажу. Вот только не представляю, что вы там можете найти.

Халин был прав. Ничего особенного в ящиках, сохранивших слабый запах пудры и духов, Глафира не нашла. Немного косметики, пара флаконов дешевых духов, шпильки-заколки и квартирные счета. Однако не нашла она и паспорта!

– Халин, а где ее паспорт? – насторожилась Глафира.

– Так она с ним, я думаю, и ушла. На работу же устраиваться!

– Да что вы заладили: работа да работа? Ведь это всего лишь ваши предположения.

– Тогда считайте, что она отправилась на свидание к мужику с паспортом, – пожал худыми острыми плечами Халин.

– А деньги? Деньги какие-нибудь она с собой взяла?

- Да. Взяла. Пятьсот рублей. Это я точно знаю. Это были наши последние деньги.

- Так, может, она все-таки просто куда-то уехала?

- Не знаю...

- Скажите-ка, возможно, накануне она звонила кому-то и вы нечаянно подслушали этот разговор? Или же к вам кто-то приходил?

- Да, приходил. Один мужчина представительного вида. Такой холеный, напыщенный, от него еще одеколоном несло, как от парфюмерного магазина.

- И что? Кто он такой и чего хотел?

- Веру спросил. И когда я сказал, что ее дома нет, он поинтересовался, когда она будет. Я ответил, что никогда, и захлопнул перед его носом дверь.

- Что за человек? Приметы! Можете его описать?

- Говорю же: высокий, красивый, богатый, в дорогом костюме, похож на артиста кино, - пробормотал Халин.

- Брюнет, блондин?

- Брюнет. Черные волосы. Красивый.

- Так, может, это и есть ее новый знакомый? Вы его потом когда-нибудь видели?

- Никогда. И век бы его не видеть! Но не думаю, что он, такой роскошный, мог бы клюнуть на мою Веру. Слишком уж непрезентабельно она выглядела в последнее время...

Халин даже дернулся в сторону, заметив движение Глафиры, похоже собиравшейся двинуть его по физиономии.

– У вас в прокуратуре – что, и бабы тоже дерутся?

– Заткнись, Халин! Сиди дома и жди, когда тебе позвонят или приедут за тобой. Уж я-то об этом позабочусь! Ты, конечно, придумал этого мужика в дорогом костюме! Это ясно.

– Да нет же! – Халин вскинул руки вверх, и его крючковатые пальцы трагически застыли в воздухе. – Он был, был!

– И это после его визита в Вере произошли какие-то изменения?

– Какие изменения?

– Ты же сказал, что в последнее время она вела себя как-то странно, светилась вся изнутри.

– Я? Такое сказал?! Да ничего такого я не говорил!

Глафира поняла, что она проговорилась: это на самом деле сказал не Халин, а Наумов, но отступить было уже поздно.

– Хорошо, пусть не говорил. Но что-то же с ней произошло, раз она потом взяла и исчезла?

– Да, может, ее просто убили! Как убивают множество женщин! Вы думаете, я не читаю криминальной сводки в газете? Читаю! И каждый раз ищу сведения о найденном где-нибудь в посадках женском трупе. Я вообще плохо спать стал...

– В камере тебе вообще спать не дадут, – сказала Глафира желчно и поднялась. Она не могла больше находиться в этой квартире.

Она вышла из дома и глотнула свежего воздуха. «Надо же так оскотиниться, чтобы превратить свою квартиру в хлев?»

Звонить Лизе бесполезно. Телефон у нее наверняка отключен. Ведь у нее вечные суды!

Глафира села в машину и покатила по притихшим заснеженным улочкам к центру. Наступило время обеда.

4

Июнь 2008 г.

– Скажи, ну чем он тебе так не угодил? Красивый, видный, молодой и к тому же богатый! Да еще и щедрый!

Подруга Анны Ледниковой, Варвара, не скрывая своего восхищения, рассматривала только что доставленное прямо из аэропорта ее свадебное платье.

– Не пойму я тебя, Анька! Настоящий Диор!!! Ты посмотри только, какая красота! Какой лиф, кружева, вышивка... Это же настоящее произведение искусства! Можно себе только представить, сколько этот шедевр стоит. А коробка! Смотри, здесь и подвязка кружевная, и цветы, и букет! Ну почему у тебя такой кислый вид? Ведь это же твоя свадьба!

Анна Ледникова, одетая в махровый халат, сидела на диване и листала иллюстрированный журнал со свадебными платьями. Щебетание подруги ее раздражало.

– Варвара, в том-то и дело, что это моя свадьба, а потому и отношение у меня к этому торжеству – свое. Я вообще не понимаю, зачем так много шумихи по поводу того, что двое решили жить вместе? Да если разобраться, мы же с Виталием уже несколько месяцев живем вдвоем, ну и что? Зачем выпячиваться и демонстрировать свое богатство? Люди завистливы, я говорила об этом Виталию, просила его быть поскромнее. Но это уже характер, понимаешь?

– Ладно, пусть ты не хочешь пышную свадьбу, это я еще понять могу. Но ты и сама какая-то невеселая, словно эта свадьба тебе в тягость. Ты что, не любишь Виталия?

– Если бы я вышла за него замуж сразу после того, как познакомилась, тогда бы, вероятно, я бы пребывала в эйфории. Но сейчас, когда я узнала его лучше и понимаю, как тяжело ему достаются деньги и как много сил и времени он тратит на то, чтобы их заработать, мне становится как-то не по себе при мысли, что столько денег будет пущено на ветер...

– Свадьба – деньги, пущенные на ветер?! Ну уж нет! Я с тобой не согласна. Если у него такие же богатые друзья-приятели, то они и подарят вам немало, уж свадьба-то точно окупится, – возразила, блестя глазами, Варвара, яркая шатенка в оранжевом свитере и темно-зеленых брюках.

– Ладно, давай ты останешься при своем мнении, а я – при своем, договорились?

– А где вы собираетесь справлять свадьбу?

– Не знаю. Виталий хочет где-то за городом, говорит, есть одно живописное место на берегу реки или вообще на острове. Там много ив, прямо на траве расставят столы и все такое... Будет шатер...

– А сколько человек?

– Понятия не имею. Но не думаю, что очень много. Знаешь, он, как я поняла, не собирается приглашать каких-то случайных людей. Так, придут друзья, коллеги по работе. Да-да! В основном коллеги. Те, что работают в его компании. В этом плане он вполне демократичен.

– А я его понимаю. С одной стороны, он хочет праздника, а с другой – не собирается дразнить пышной свадьбой своих конкурентов. У него же есть конкуренты?

– Да уж, выше крыши. Он же построил новый ликеро-водочный завод. Ты представляешь, новый! Какие бабки вложил! У него колоссальный ассортимент. Вот и подумай, что станет с теми, кто работал на рынке до него. Люди тоже

вложились. А еще и кризис... Не представляю, как он разрулит эту ситуацию.

- Кажется, теперь я понимаю, чего ты так боишься...

- Странно, что он ничего не боится. Свадьба - это же арена для выяснения отношений. Во-первых, он не сможет после всего, что он сделал в своем бизнесе, пригласить тех, с кем он прежде прятельствовал. Во-вторых, не смогут прийти и поздравить его те друзья, которым он давал в свое время деньги и которые не смогли вовремя вернуть эти долги. А деньги ему еще долго не вернут, потому что кризис! Люди все запутались в долгах, я знаю.. И они боятся Виталия. Словом, я смутно представляю, кто вообще может появиться на нашей свадьбе. Думаю, это будут в основном его партнеры, сомнительного плана знакомые, банкиры с женами, возможно, люди из его команды. Словом, совершенно чужие для меня люди, и мне не хотелось бы выглядеть на этой показушной свадьбе разряженным в пух и прах чучелом!

- Аня, ну почему чучелом? Ты будешь там самой красивой! Подумай, какие снимки останутся после этой свадьбы! Да и саму свадьбу запишут на пленку, и ты потом будешь всю оставшуюся жизнь рассматривать себя - молодую, красивую... Знаешь, Анята, ты вообще ведешь себя как-то не совсем естественно для невесты... словно ты и не рада, что выходишь замуж. Может, ты все же не любишь Виталия?

- Люблю. Просто я за него боюсь, вот и все. И считаю, что сейчас не самое подходящее время так выпячиваться со свадьбой!

- Но ведь свадьба - это же твой праздник, и какое тебе дело до мирового кризиса, когда у тебя такой прекрасный жених, к тому же богатый, который может позволить себе устроить такую пышную свадьбу? Странная ты какая-то... Я вот, к примеру, глаз не могу оторвать от твоего платья, меня прямо колотит от зависти, белой зависти, честно тебе говорю... Да я бы умерла от счастья, если бы у меня намечалась такая свадьба и если бы мне принесли эту коробку с платьем! А ты почему-то грустишь.

- Мне нездоровится, - отмахнулась от подружки Аня, и Варвара увидела, как на глаза ее навернулись слезы. - Да и предчувствия какие-то нехорошие. И сны тревожные... Ладно, Варя, извини. Что-то я и вправду раскисла беспричинно. Пойдем лучше в кухню, я угощу тебя разными вкусностями. И если ты не против,

выпьем-ка по маленькой! Да, ты, наверное, права. И мне не стоит так ныть накануне своей свадьбы. Может, я просто еще никак не могу привыкнуть, что все это происходит со мной?

Варвара, уплетая вкуснейший сыр и закусывая ветчиной, молча поглядывала на сидевшую с отсутствующим видом подругу и думала о том, что она, в сущности, ничего особенного собой и не представляет. Так, посредственность. Простая девчонка со смазливym личиком! Пустая, без харизмы. И непонятно, что в ней нашел на самом деле Виталий Малинников, миллионер, человек, за которым Анька будет как за каменной стеной. И почему в жизни все так несправедливо? Кому-то достаются такие вот завидные женихи, которыми, кстати говоря, не дорожат, а кому-то – одиночество и глухая, холодная зависть. Варвара считала себя девушкой яркой, талантливой (достаточно сказать, что она вот уже два сезона подряд играла главные роли в местном драмтеатре и была любовницей главного режиссера), а потому вполне заслуживающей богатого, достойного мужа. Анька же, повторяла Варя про себя, ничем особенным не выделялась, закончила после школы одни лишь компьютерные курсы и вообще не собиралась нигде учиться. И встретила Малинникова-то она совершенно случайно, на открытии торгового комплекса. Так, простая девушка в толпе. И как она там оказалась – загадка! Не зря говорят, что важнее всего в жизни оказаться в нужном месте и в нужное время. Простая секретарша из крохотной, никому не известной фирмы. Хрупкая, в летнем коротеньком платье, в туфлях на каблукках... Правда, волосы у нее красивые. Густые, блестящие, изумительного золотистого оттенка. И глаза карие. Нет, взгляд у нее не пустой. Конечно, что-то в ней есть, да только Малинникову, по мнению Вари, потребовалось бы время, чтобы увидеть в Анне что-то такое, отчего сердце его забилося бы. Вероятно, он и увидел! Нет, этих мужчин не поймешь.

Варя поймала себя на том, что зависть, которой она болела в последнее время, мешает ей не только жить, но и как будто бы дышать. словно невидимая ледяная рука держала ее за горло и требовала во всем разобраться, понять – как же так получилось, что ничем не примечательная Аня Ледникова сейчас собирается замуж, а она, Варвара, наделенная неординарными способностями и природной яркой красотой, довольствуется унижительными свиданиями с режиссером, перезревшим и крайне амбициозным мужичком, заставляющим ее...

Она вдруг почувствовала себя до того отвратительно, что ее чуть не стошнило. Вспомнила последнее свидание со своим любовником, от которого зависела, как она полагала, ее карьера, и ей вдруг стало так жаль себя, что она готова была разрыдаться на плече у своей более везучей подруги. Зависть уступила место желанию поделиться с Аней своими переживаниями, рассказать о том, какая у нее убогая личная жизнь, как мерзко ей отдаваться режиссеру где-нибудь в гримерке или у него в кабинете и как противна ей вся эта жизнь! И она бы давно все изменила, если бы не эта роскошь – играть первые роли – и перспектива, что тебя когда-нибудь заметят, пригласят в Москву... Во всяком случае, такой же путь прошли многие актрисы, прежде чем оказаться в столичных театрах или в кино.

Конечно, играть влюбленную женщину перед своим любовником ей было не сложно, но это лишь «до кровати». Когда же дело доходило до интимных отношений, тут никакие актерские способности не помогали, и Варвара, оказываясь во власти своего любовника, испытывала самые отвратительные чувства – как физического, так и нравственного плана.

И почему все это вспомнилось ей именно сейчас, когда она сидела в тихой уютной квартире Ани, когда они пили потихоньку холодную водку и грустили каждая о своем? О чем тоскует Аня? Что с ней не так? Неужели она действительно так переживает за жениха-бизнесмена, собирающегося подразнить своих конкурентов пышной свадьбой? Но как-то неубедительно все это звучит. А что, если и она спит со своим Малинниковым через силу? Если она не любит его, влюблена в кого-то другого, а замуж выходит по холодному расчету? И потому ей так все противно, и никакое платье ей не в радость, никакие приготовления к свадьбе? Или же Варвара ничего не понимает?

– Все хотела тебя спросить... – начала она прощупывать почву. – Вот ты, к примеру, выходишь замуж за богатого человека. И теперь тебе вовсе не обязательно работать. Тем более секретаршей. Ты целый день сидишь дома. И чем ты занимаешь весь день?

– Да ничем... – рассеянно ответила Аня и вздохнула. – В том-то и дело, что ничем! Во-первых, теперь я подолгу сплю. Знаешь, это так приятно, оказывается, – просто спать!

- Даже своего Виталия завтраком не кормишь?

- Почему же, кормлю. Я вообще стараюсь быть хорошей женой. Во всяком случае, учусь ею быть. Конечно, я встаю рано. Приготовлю ему завтрак, провожу его и опять ложусь. И сплю часов эдак до двенадцати. Потом встаю, долго шляюсь по квартире, пытаюсь окончательно проснуться. Завтракаю опять же. Хотя это уже и не завтрак, а обед скорее всего. Потом умываюсь. Или нет. Сначала умываюсь, потом ем. Затем привожу себя в порядок, звоню своей домработнице, говорю, чтобы она пришла. Понимаешь, не могу терпеть, когда она в моем присутствии что-то моет-стирает! Она раздражает меня. Так вот. Я уезжаю на машине в город, за покупками, или просто гуляю. Хожу в кино. А она в это время убирается в доме. А недавно было вообще много работы. Мы же купили дом на Волге, а его надо обживать. Вот мы с домработницей и завозили туда постели, продукты, все это укладывали-раскладывали, следили, чтобы грузчики и мастера ничего не побили - не поломали, чтобы мебель установили там, где положено и как положено. Они только кухню собирали три дня, представляешь? Но там на самом деле надо было попотеть, ведь я нарисовала им два огромных застекленных шкафа. Привезли-то все в собранном виде. Вернее, не привезли даже, а доставили по протоке на катере. Я не знаю, зачем было вообще покупать дом на острове, куда возможно добраться только по воде. Ладно, мы купили уже готовый дом, но люди-то его строили! Это же сколько материалов требовалось туда завезти! Зато, конечно, дом получился сказочный, прямо в лесу. На берегу реки, в очень красивом месте. - Аня как-то грустно улыбнулась, словно не веря своему счастью, и так, будто бы она говорила не о своем доме.

- А деньги? Он не жадный, этот твой Малинников? - спросила Варвара, отчего-то краснея. И почему-то ей захотелось услышать, что Малинников - жадный, дает ей денег только на самое необходимое, унижает Аню, когда она намекает ему, что ей нужны деньги. - А?

- Он не жадный. У меня карточка. И я могу снимать любые суммы.

- И тебе не скучно? - Варя покраснела еще больше, понимая, что у нее сейчас от зависти поднимется температура. «Ну почему, почему все так? Почему Аньке все, а мне - ничего?!»

- Нет, - пожала плечами Аня. - Больше того, деньги дают чувство свободы.

И вдруг до нее словно дошло все то, о чем думала Варвара.

– Слушай, Варя! Может, ты присмотрела себе что-то в магазине? Так ты только скажи, я тебе с радостью куплю. Я теперь могу! Виталий меня не контролирует. У него много денег. На самом деле очень много денег. И я могу решить какие-нибудь твои проблемы... – Она даже оживилась. – Ты только не стесняйся, хорошо? Мы же с тобой подруги! Я знаю, что ты – актриса и должна хорошо выглядеть. У тебя небольшая зарплата, а работаешь ты, как лошадь. И если у тебя что-то и появляется, так это только после заграничных гастролей. Послушай, я тут сижу и рассказываю тебе о том, как я откровенно ленюсь, а ты, наверное, думаешь о том, как тяжело жить тебе и как все несправедливо в мире? Ты права. Но мы это исправим!

И Варвара увидела, как загорелись глаза Анны, как она оживилась, взбодрилась. Вскочила и заметалась по квартире, одеваясь на ходу.

– Давай собирайся, поедем по магазинам! Да мы оденем тебя, как куклу!

Варвара смотрела на нее и спрашивала себя – не снится ли ей все это? Никогда еще она не видела, чтобы Аня так возбуждалась. Неужели на нее подействовал алкоголь? Но она и выпила-то совсем немного!

– А у тебя точно неприятностей не будет?

– Нет, – уверенно произнесла Аня. – Он ничего не заметит. Уверяю тебя. Даже если я куплю себе три квартиры или пять. Говорю же... – И тут она приблизила свое порозовевшее лицо к Варе и обдала ее ароматом духов, которыми только что надушилась. – ...Говорю же, он очень богат, понимаешь? Очень!

– У нас новое дело, Адамчик. – Глафира взобралась на высокий табурет и с любовью посмотрела на проворно работающего за стойкой мужа.

В ресторане она заметила только постоянных посетителей, кое-кто поздоровался с ней кивком. Она была уверена, что они воспринимают ее не столько в качестве жены Адама, о чем им было, несомненно, известно, сколько как правую руку, помощницу Лизы Травиной, известного в городе адвоката, и это, как Глаше казалось, сильно поднимало ее в глазах окружающих. Быть может, поэтому она и держалась с таким достоинством и важничала напропалую даже перед Адамом.

– И что же это за дело такое? – Адам бросил на нее нежный взгляд и принялся разливать коктейли в бокалы.

– Постой. Дай-ка я угадаю, что это за коктейль. – Глафира поднесла к носу стакан. – Адамчик, я чувствую здесь текилу, мой любимый «Куантро» и сок лайма! Так?

– Так, ты угадала.

– Значит, «Маргарита»?! Вот и мне, пожалуйста, тоже «Маргариту», только соль на край бокала не клади. Обойдусь.

Подошел официант и забрал готовые коктейли. Адам принялся наполнять шейкер текилой.

– Ну, так что за дело-то? – повторил он.

Глафира проводила грустным взглядом удаляющуюся спину официанта, уносившего коктейли.

– Знаешь, дело как дело. Ничего особенного. Просто одна женщина пропала, вот и все. Скорее всего сбежала с любовником, да только никто не знает, с кем именно и куда она уехала.

– У вас женщина пропала, а у нас полгода тому назад исчез гардеробщик, Борис Трубников. Причем вместе со своими детьми. Не вышел на работу, и все. Не

позвонил, не предупредил.

- Как это - исчез? Да еще и с детьми? И сколько же у него детей? Какого они возраста?

- Три, пять и семь лет. У него жена умерла два года тому назад. И они, потеряв мать, очень трудно жили. Он нанял соседку, чтобы она присматривала за детьми, и практически отдавал ей всю свою зарплату.

- Не понимаю... А на что же они жили?

- Наш хозяин разрешил ему брать еду домой. Вернее, он поручил нашему администратору лично готовить пакет с продуктами для Трубникова.

- У вас очень интересный хозяин!

- Сама знаешь.

Глафира была лично знакома с владельцем ресторана, Михаилом Агишиным. Невысокого роста человек, с умным лицом и печальными глазами, он производил довольно-таки странное впечатление на тех, кто видел его впервые. Ну никак не походил он на хозяина ресторана, смахивал скорее на завхоза деревенской столовой, чем на владельца престижного, дорогого заведения, расположенного в самом центре Саратова. Родом из провинциального городка Иловатска, он, крепко встав на ноги в большом городе и неслыханно разбогатев, продолжал, однако, поддерживать связи со своими земляками. Адам когда-то рассказывал Глафире, что Миша очень трепетно относится к своим корням, к землякам, и, поскольку ресторан находился неподалеку от мощной транспортной артерии города, где имелись автобусные остановки многих пригородных маршрутов, в том числе и на Иловатск, то он разрешил односельчанам ожидать нужного им рейса в специально отведенной для этого комнате ресторана, позади гардероба, и даже кормил их обедами с внушительной скидкой. Кроме того, он давал своим землякам подработать, охотно скупая у них соленые грибы, гусей (накануне Рождества и Нового года), мед, баранину и даже яйца.

Поэтому Глафира и не удивилась, узнав, что он помогал своему многодетному гардеробщику, снабжая его продуктами.

- Ты, может, думаешь, что Борису отдавали объедки? - вдруг спросил Адам.

- Да нет, не думаю.

- Так вот. Ничего подобного! Это были уже готовые блюда - мясо, выпечка, еще - масло и даже молоко. К тому же поговаривали, что Агишин время от времени дает Борису и деньги. А еще говорили, что он советовал ему продать его квартиру в городе и перебраться в Иловатск, где жить ему было бы проще. Агишин открывает там колбасный цех, скорее всего он устроил бы Трубникова туда, с хорошей зарплатой.

- Сколько же лет этому Борису, если у него трое маленьких детей, а сам он, судя по всему, еще не старый, а работал всего лишь гардеробщиком?

- Ему тридцать с небольшим. Но у него инвалидность - больная нога. Вот такие дела.

- Ты случайно не знаешь, когда именно он исчез?

Глафира спросила его об этом просто так, понимая, что вряд ли исчезновение гардеробщика «Ностальжи» как-то связано с делом Веры Нечаевой. И удивилась, услышав:

- Он не вышел на работу шестнадцатого июня прошлого года. Я отлично помню этот день, потому что это день моего рождения. И мне тогда пришлось совмещать свою работу бармена с обязанностями гардеробщика. Хорошо, что посетителей в тот вечер было не так уж много.

- Но что может делать гардеробщик в самом разгаре лета?

- Хороший вопрос! Мы тоже думали, что летом для Бориса не будет работы. Однако Миша сказал, что гардеробщик - это не совсем даже гардеробщик, а скорее швейцар, понимаешь?

- Вероятно, он, швейцар и гардеробщик в одном лице, должен заниматься гардеробом, встречать и провожать гостей?

– Вот ты сама и ответила на все вопросы. Борис обладал представительной внешностью, у него было весьма интеллигентное лицо.

– Адам, я же помню его. Правда, никогда не замечала, что он прихрамывает.

– Он старался скрывать это. Хотя, на мой взгляд, это ему даже шло, придавало ему некий шарм.

– Глупости! Не может хромота придавать шарм. Но не в этом дело. Ты говоришь, что он исчез шестнадцатого июня. Адам, но и Вера Нечаева, женщина, которую нам поручили разыскать, тоже перестала отвечать на звонки именно в этот день!

– Что ж... Я рад за него. Значит, он познакомился с этой женщиной, и они вместе куда-то укатили... Чтобы начать новую жизнь. А почему бы и нет?

– А тебе не кажется странным это совпадение?

– Кажется, но это же факт. И что?

– А то, что мне просто необходимо встретиться с соседкой вашего Трубникова, той самой, которая присматривала за его детьми. Я уверена, что она расскажет мне гораздо больше, чем ты. Может, в жизни Бориса произошли какие-то изменения, может, она видела эту Веру Нечаеву?

– Я попробую раздобыть его адрес. А уж его соседку ты вычисли сама. Не думаю, что кто-нибудь из наших ее знает. Даже Агишин. Ну, что, Глашенька, твой коктейль готов!

И Адам поставил перед озадаченной Глафирой бокал с «Маргаритой».

Все изменилось в ее жизни. Все! И она сама изменилась. Теперь она двигалась по квартире на ощупь, постоянно натыкаясь на, казалось бы, знакомые предметы, на мебель. Но самым страшным было – зажигать плиту, готовить или разогревать еду. Вроде бы и спичку она подносила близко к газовой горелке, и ручку поворачивала лишь слегка, чтобы пламя было не очень большим, но все равно часто обжигала пальцы.

Ходила полуголодная, с постоянным ощущением страха. Она стала бояться всего: оставаться одной дома, шорохов за стеной или шагов в подъезде, запаха газа, насморка (потому что из-за него она не сможет почувствовать этот запах), звонков – телефонных и в дверь. Страшно было просто жить.

А еще от нее ушел муж. Когда узнал, что она слепнет, просто взял и ушел. Сказал, что хочет пожить с престарелой матерью, но знакомые доложили – у него другая женщина.

И единственным человеком, которого она ждала и чьему приходу радовалась, была ее подруга, Соня Ненарокова.

– Ты еще молодая, ты должна поправить свое зрение. Я все узнала, можно сделать операцию, и ты снова будешь видеть! А про Сашку своего забудь – он полное ничтожество. Я ему время от времени напоминаю об этом.

– Как? Как ты напоминаешь ему? – Валентина представила себе, как Соня звонит в квартиру, где теперь живет Саша с другой женщиной, и напоминает ему, что он полное ничтожество. Картинка получалась гротескной, напоминающей отрывок дурного сна.

– Просто звоню ему с разных телефонов, благо друзей и знакомых у меня много, а потому он не знает, что это именно я, и говорю ему в самое ухо, что он – урод, ничтожество, бросил слепнущую жену, оставил ее на произвол судьбы и что его ждет страшная расплата. Он всегда был эгоистом, твой Сашка. Мерзавец! Знаешь, иногда мне хочется встретиться с ним и плеснуть ему в глаза кислотой. И посмотреть, как он будет корчиться... Как он ослепнет!

– Не надо, Соня. – Валентина нащупала ее руку и крепко сжала. – Это нехорошее чувство, и желание тоже скверное. Опасное. Даже в мыслях не надо этого делать. И вообще, мне же никто кислотой в глаза не плескал... Просто у меня

судьба такая.

– А я считаю, что это у тебя от нервов.

– Не говори глупости, пожалуйста. Мало ли людей нервничают?

– Он всегда изменял тебе, и ты это отлично знала. Знала и не разводилась с ним.

– Теперь разведусь. Недолго уже осталось. Три дня, и все.

Сказав это, она почувствовала, как глаза ее, почти мертвые, как ей теперь казалось, наполняются слезами. Развод! Она всегда боялась развода. Всегда боялась остаться одна. словно чувствовала, что одиночество грозит ей неминуемой смертью. А как же иначе? Разве сможет она выжить в этом сложном мире без глаз? Вместе со зрением она потеряла не только мужа, но и профессию, возможность содержать себя. Пособие... Это смешные деньги, на которые невозможно существовать.

И, словно прочитав ее невеселые мысли, Соня сказала:

– А деньги я тебе найду. Я уже в два фонда обратилась. У многих известных и богатых людей была, обещали помочь.

Валентина чувствовала, что Соня лжет. Но она делает это, чтобы успокоить ее, чтобы ее жизнь наполнилась хотя бы какой-то долей надежды.

«Я живу в темноте, – думала она. – В кромешной темноте, и выхода из этой темноты нет и не будет». И никто не даст ей, молодой еще женщине, денег на операцию. Сумасшедших нет. Все считают деньги. У всех, кто имеет деньги, есть свои близкие и друзья, которым нужно помогать. И так уж сложилась жизнь, что ее всегда окружали люди практически бедные – учителя-коллеги, почти нищие подруги...

– Главное в твоём положении – не раскисать! Если раскиснешь – все, тебе конец, – произнесла Соня, и Валентина услышала, как дрожит ее голос.

– А мне и так уже конец. И зачем ты со мной возишься? – прошептала она, глотая слезы.

– Ну, ты даешь, подруга! А как же я? Разве я тебя брошу? Да если бы у меня не было семьи, я бы с тобой жила, помогала бы. Но у меня, сама знаешь, муж, дети. Уф, не знаю, как все сложится... Может, и позвонит кто-то, к кому я обращалась.

Валентина почувствовала какое-то движение в воздухе, до нее донесся аромат куриного бульона, и она поняла, что Соня поставила перед ней тарелку с супом.

– Вот, бери хлеб и ешь. Тебе надо хорошо питаться, чтобы подготовиться к операции.

– Соня, прекрати сейчас же! Какая операция?! О чем ты? Зачем ты обманываешь меня?

– Просто я верю...

Валентина представила себе Соню. Полноватую молодую женщину, блондинку с мелкими кудряшками на круглой голове. В цветной вязаной жилетке и джинсах. Хотя какая уж сейчас жилетка, когда на улице такая жара. Наверное, она надела один из тех сарафанов, которые сшила сама.

– Ты в сарафане? – попыталась она угадать.

– Да. Откуда ты знаешь? – быстро спросила Соня. – Ты что, увидела меня?

– Нет, просто подумала, что в такую жару ты наденешь либо голубой, либо желтый сарафан.

– Желтый, – со вздохом ответила Соня. – Ты почему не ешь?

– Аппетита нет.

– А ты заставь себя. Вот, бери ложку... – Соня вложила ей в руку ложку. – Ешь, говорю тебе! Ну что ты как маленькая?

В дверь позвонили.

- Кто это? - насторожилась Валентина и почувствовала, как в животе образовался ледяной ком. Это страх. Она так и представляла себе страх - это овальный ледяной ком, тающий где-то внутри и обжигающий своим холодом внутренности. И еще - тошнота.

- Сейчас посмотрю. Что ты так напряглась? Да мало ли кто пришел?

- Может, Саша? Может, он забыл что-то?

- Да, да, ты ему все вещички отдай, телевизор, ковер, постельное белье. Серебряные ложки... Все отдай! Я сейчас покажу ему и рубашки и ложки!

Она знала, что Саша забрал не все вещи. Сбегая от ослепшей жены, он так спешил, что оставил половину вещей. А потом звонил и просил, чтобы она отдала ему телевизор, который ей как бы теперь и не нужен, и компьютер.

Тело Валентины, обратившейся в слух, напряглось так, что заныли плечи. Кто пришел? Ну почему она ничего не слышит? Саша это или нет? А может, это из жилконторы, пришли пригрозить в очередной раз, что ее выселят из квартиры? Говорят, сейчас имеют право это делать, если человек много должен по квартплате.

До нее доносились обрывки очень тихого разговора. Ну, точно, это из жилконторы, и Соня наверняка делает посетительнице (там работают одни женщины) знаки, чтобы та говорила потише, чтобы Валентина не услышала, не расстроилась. Словно она не понимает, что после всего, что с ней произошло, сюда могут наведываться люди, настроенные исключительно против нее. Кроме самой Сонечки, конечно.

- Хорошо, я сейчас ее позову, - услышала она уже отчетливый и вполне нормальный голос Сони.

Она почувствовала, как Соня подошла к ней. Подруга тяжело дышала, словно только что быстрыми шагами поднялась по лестнице.

- Валентина, там к тебе пришли и хотят, чтобы ты показалась... А еще нужен твой паспорт. Я должна показать этому человеку твой паспорт.

- Соня, - Валентина судорожным движением схватила ее за плечо. - Сонечка, это по поводу квартиры?

- Нет, успокойся.

- Ты снова успокаиваешь меня? Скажи, это из-за квартплаты? Меня хотят выселить? Ну, пожалуйста, ответь мне, скажи правду, я же должна знать!!!

- Говорю же: нет!

- Если это из-за долгов, то я снова прошу тебя о том, о чем уже говорила. - Валентина перешла на шепот. - Вы можете всем семейством переехать ко мне, а свою квартиру сдавать. Я же говорила тебе! Таким образом мы решим сразу все проблемы: у вас появится большая квартира, где вы сможете жить всем семейством, и деньги. И я буду при вас...

- Валя! Прошу тебя, успокойся! Клянусь тебе, что это не из-за долгов. Это совсем другое. Правда, я еще не совсем поняла, кто именно прислал этого человека. Идем, вот твой паспорт, я должна его предъявить. Скоро тебе все объяснят. Ну, идем же, ничего не бойся!

- Надеюсь, никто не отберет у меня квартиру? Не продаст ее?

Даже от этих слов ей стало не по себе, словно в ее замутненном сознании они могли материализоваться и превратиться в парочку потенциальных покупателей, поджидавших ее на пороге.

- Пойдем, и ничего не бойся.

Соня буквально за руку вывела ее из комнаты. И Валентина тотчас почувствовала запах хороших мужских духов.

– Здравствуйте, Валентина, – услышала она совсем близко от себя приятный мужской голос. – Ваша фамилия Ступникова?

– Здравствуйте. – Голос ее от волнения осип. – Да, я Ступникова. А вы кто?

– Я принес вам приглашение на свадьбу одной вашей знакомой. Вот. – И в руках ее оказалась, как она поняла, большая гладкая открытка.

– А паспорт? Паспорт зачем?

– Я должен был удостовериться, что вы – это вы, – ответил человек уклончиво.

– Что за подруга? Как ее зовут?

И вдруг она поняла, что даже это не имеет уже никакого значения, хотя бы потому, что она не сможет прийти на свадьбу. Просто не сможет, и все. Потому что она – слепая. Она никогда не посмеет так отдалиться от дома. Ведь не во дворе же ее дома находится ресторан, где какая-то ее подруга будет праздновать свою свадьбу!

– Но я не смогу... Думаю, моя подруга просто не знает, что я ничего не вижу. Почти не вижу. И ее не увижу.

– Валя, почему ты не спросишь, как зовут твою подругу?

– Соня, ну ты-то должна все понимать! Если она выходит замуж, значит, это какая-то молоденькая учительница, которая совершенно случайно вспомнила обо мне.

– Анна. Ее зовут Анна, – сказала Соня. – Анна Ледникова.

– Ледникова? Сейчас я ее что-то припомнить не могу, но потом обязательно вспомню. Анна Петровна, может? Но у нее фамилия – Штейн. Аня... Соня, прошу тебя, не мучай меня! Я непременно вспомню Аню Ледникову, но смысл-то в этом какой, если я все равно никуда не поеду?

– Я заеду за вами, – услышала она все тот же приятный мужской голос. Она даже представила себе хорошо одетого, интеллигентного вида мужчину в светлом костюме. Почему в светлом? Может, потому, что сейчас лето и в черном костюме ему было бы жарко?

– Вы? Заедете? Вы что – жених?

– Нет, я друг семьи, если можно так сказать. И я доставлю вас на свадьбу в лучшем виде.

– Соня, ты слышишь? Посмотри-ка и его паспорт... Что-то я боюсь! И Анну Ледникову я вспомнить не могу, и вас тоже не знаю, во всяком случае, ваш голос мне не знаком. Вас как зовут?

– Извините, но Валентина сильно нервничает... – попыталась заступиться за подругу Сонечка.

– Не вопрос. Вот мой паспорт.

– Гурьев Дмитрий Петрович, – прочла вслух Соня.

– Гурьев? – эхом отозвалась Валентина. – Впервые слышу!

7

– Правильно, Глаша, я тоже не верю в подобные совпадения. Позвони Мирошкину и попроси его просмотреть сводки за прошлый год, выясни фамилии людей, о пропаже которых их близкие заявили шестнадцатого июня и в районе этой даты, ну, ты понимаешь. Может, где-то в Саратове опустилась инопланетная тарелка?

– Лиза, тебе все шуточки? Какая-то ты сегодня несерьезная, – покачала головой Глафира. Она сидела за письменным столом Лизы, в офисе, и разглядывала падавшие за окном снежинки. – Все-таки человек пропал, вдовец, к тому же – инвалид.

– Я помню его. Довольно симпатичный парень. Правда, выглядел он гораздо старше своих лет. Но ты права. Он не мог вот так взять и исчезнуть, даже не предупредив Агишина. Это неестественно, особенно если учесть все то, что ты мне рассказала о том, как Агишин помогал этому гардеробщику. Нет, здесь действительно что-то не так. И дети. Куда делись дети? Один-то человек мог исчезнуть. В конце концов, его могли просто убить...

– Лиза!!!

– ...а тут – трое детей, – Лиза словно и не слышала Глафиру. – Не мешало бы выяснить, нет ли детей по фамилии Трубниковы в каком-нибудь интернате или детском доме? Знаешь, у этого гардеробщика просто нервы могли не выдержать, и вот он, сдав детей на попечение государства, покончил с собой. А что?

– Какая же ты жестокая все-таки, Лиза, – упрекнула ее Глафира. – Нет бы предположить что-нибудь не такое страшное...

– Да ты пойми, Глаша, что от моих версий все равно ничего не изменится, но не забывай также, что я практически каждый день сталкиваюсь с убийствами, самоубийствами, человеческими подлостью и слабостью в различных проявлениях. Поэтому лучше уж вообразить самое худшее, чтобы потом, если окажется, что я ошиблась, вздохнуть с облегчением.

– А что мы с Верой Нечаевой будем делать?

– Понятия не имею, – отозвалась беспечным тоном Лиза. – Попытаемся ее поискать. Надо опросить всех общих знакомых Нечаевой, Халина и Наумова. Может, кто-то что-нибудь и скажет. Работать надо, Глашенька, работать!

Выпив чашку кофе, Глафира позвонила следователю прокуратуры Сергею Мирошкину. Так сложилось, что вот уже пять лет они – Сергей и Лиза – зачастую вели параллельные дела и оказывали друг другу всяческую поддержку. Вот и сейчас Глафира знала, что он сделает все от него зависящее, чтобы помочь в поиске Веры Нечаевой.

– Сережа, привет, это Глафира.

Она пересказала ему суть проблемы, и он обещал перезвонить, как только что-нибудь выяснит. Сама же Глафира, чтобы не тратить время зря, отправилась в контору «Железный двор» (внизу таблички под русским названием было красиво выведено английскими буквами «Iron court»), где, по информации сожителя Нечаевой, Халина, еще полгода тому назад Вера мыла полы.

Скромный офис и какая-то пришибленная секретарша в открытом цветастом платье, играющая в компьютерную игру – падающие цветные шарики. Занятие для дебилов.

– Вера Нечаева? Да, была у нас такая уборщица.

Секретарша (ее звали Лена), не в пример многим другим секретаршам, с которыми Глаше приходилось иметь дело, с удовольствием отвлеклась от игры и с воодушевлением приняла участие в разговоре:

– Я слышала, что она пропала. Исчезла. Но сейчас исчезает такое количество людей!

Окно в приемной было открыто, и голос молодой девушки, вполне довольной своей жизнью, накладывался на уличный шум, шелест листвы, звуки города. Тихая мирная обстановка, никак не вяжущаяся с темой разговора. Ведь пропал человек. Исчез. Возможно, умер!

– Чем занимается ваша контора?

– Черным металлом. Правда, говорят, что мы скоро закроемся, но пока еще мы на плаву.

Глафира поняла, чем занимается «Железный двор». Это на их площадки стягивается огромное количество бесхозного металла. Это к ним алкаши-мародеры несут медные кладбищенские таблички, оградки, это для них обрываются электрические провода...

– Вы не могли бы рассказать мне что-нибудь ценное о Вере Нечаевой? – спросила она.

– Конечно, могу. Вера была очень приятной молодой женщиной. Она чисто прибиралась у нас, даже оставалась допоздна после корпоративов. Тихая, незаметная женщина. А еще – очень несчастная. Она хоть и замазывала свои синяки пудрой, но все равно ведь все видели, что ее бьют. Это в теплое, солнечное время года ей хорошо было ходить в темных очках, чтобы спрятать разбитое лицо, а зимой... Не представляю, как она мыла полы на лестницах! Между прочим, она была красивая, это многие отмечали. И не понимали, зачем она продолжает жить со своим пьяницей-мужем. Да она при желании могла бы выйти замуж за хорошего человека!

– Лена, вспомните, пожалуйста, последние ее дни, которые она проработала у вас, может, случилось что-то, что вы запомнили? Какой-то звонок, обрывок разговора, может, она сама вам что-то рассказала...

– Вообще-то она ничего о себе не рассказывала. Да и что ей можно было рассказать, если ее любовный роман был, как говорится, налицо? Вернее, на лице. Нет, ничего она не говорила. Ни с кем по телефону не разговаривала, так, чтобы я слышала. Но некая особенность мне запомнилась. Понимаете, Вера всегда была какая-то потухшая, грустная. Оно и понятно, чему тут радоваться, когда тебя твой мужик бьет? А незадолго до своего исчезновения она ходила в каком-то приподнятом настроении. Улыбалась. И даже губы у нее были накрашены!

– Может, у нее возник роман с кем-нибудь из ваших работников?

– Нет, не думаю. Здесь, в офисе, работают в основном женщины, а мужики пашут на площадках да в разъездах бывают... Нет, я бы тогда заметила. Но что-то в ее жизни произошло, это точно. Я даже подумала – уж не нашла она себе хорошую работу?

– Но почему вам в голову пришла мысль только о работе? Почему, к примеру, вы не подумали, что она встретила подходящего человека?..

Глафире почему-то хотелось, чтобы счастливое лицо женщины связывалось в первую очередь с переменами в ее личной жизни. Это было бы естественнее. Но

вот и секретарша говорит почему-то про работу. Как будто бы это и есть великое женское счастье!

– Просто у Веры было такое нежное лицо, она, чувствовалось, была интеллигентной, начитанной женщиной, но ей приходилось мыть полы в комнатах, на лестницах, в туалетах. Мы все понимали, что это как бы временное ее занятие, рано или поздно она все же найдет более приличную работу. Вот поэтому, когда я увидела, что она радуется чему-то, сразу подумала именно о работе. Да, знаете, почему я не подумала о том, что в ее жизни появился другой мужчина? Да потому, что она так много и долго терпела издевательств своего мужа и не уходила от него, поневоле думалось, что она – однолюбка, понимаете? Что она в принципе не может полюбить другого мужчину. Она была как бы олицетворением той самой русской женщины-мученицы, жертвы, всю жизнь терпящей унижения от своего мужа-тирана. Вот в Штатах, к примеру...

Глафира слушала рассуждения секретарши о невозможности подобной ситуации с домашним насилием в других странах вполуха. Жаль, думала она, что ничего нового о Вере Нечаевой она так и не узнала.

– Подождите... Кажется, я вспомнила! Она купила новое платье. Очень красивое. И примеряла его тут, у меня в приемной, в обеденный перерыв.

– Так, может, это и было причиной для ее хорошего настроения? – вяло предположила Глафира.

– Наверное, да. Но все равно я подумала тогда, что платье это она купила не случайно, она собиралась куда-то в нем пойти...

– Устраиваться на новую работу?

– Ну да.

– Может, она все-таки что-то сказала, кружась перед зеркалом?

– Пойдите. Надо вспомнить...

Секретарша закрыла глаза, и Глафира увидела, как затрепетали ее длинные, тщательно покрашенные ресницы. В сущности, Лена была очень привлекательной девушкой, да и сердце у нее было добрым. Интересно, какие отношения ее связывают с хозяином этого «железного двора»?

– Знаете, она говорила что-то про подарок. Да, точно, – Лена подняла указательный пальчик кверху и поднесла его к своим покрашенным губам, как припечатала. – Она спросила меня, что лучше – миксер или кофеварка? Вот, точно! И как это я тогда не обратила на это внимания? Да она наверняка собиралась к кому-нибудь на день рождения, потому и радовалась, бедняжка. И платье купила!

– А к кому, к кому же она собиралась?

– Не знаю, – сморщила носик Лена, явно сожалея, что не может помочь посетительнице, вернее, представительнице прокуратуры, как было указано в самопальной ксиве Глафиры. – Иначе я бы запомнила.

– Может, она дружила, общалась с кем-то из вашего коллектива?

– Нет, ни с кем. Только со мной иногда разговаривала.

– Значит, беседовать с остальными – бесполезно?

– Абсолютно.

– Ну что ж, спасибо, Лена, вы мне все равно помогли.

– Заходите.

– Вот трубу найду, большую, тяжелую, мелиоративную – тогда и зайду, – улыбнулась Глафира, распрощалась с секретаршей и вернулась в машину. Было жаль потраченного времени – ничего существенного о Вере Нечаевой ей так и не удалось узнать.

Она достала блокнот, где был записан адрес пропавшего гардеробщика-швейцара, Бориса Трубникова, и поехала навестить его соседку, еще не так

давно присматривавшую за его детьми.

По дороге она подумала почему-то, что в отсутствие хозяина квартиры эта самая соседка вполне могла сдавать ее и получать за это деньги. Если, конечно, у Трубникова – уже после его исчезновения – не обнаружались какие-нибудь родственники.

Все, что ее интересовало, она узнала от двух сидевших на залитой солнцем скамейке пенсионерок – этого вечного кладезя чистой воды информации. Женщины, оказывается, были очень хорошо знакомы с Борисом, знали и жалели его детей и до сих пор не могли прийти в себя после исчезновения целого семейства.

– Скажите, кто-нибудь писал заявление о пропаже Бориса и его детей? Ну, может, какие-нибудь родственники, друзья? – спросила у них Глафира.

Они не знали, а сами, понятное дело, в милицию не обращались.

– Об этом вам лучше всего спросить Свету, соседку его, няньку его детей. Она, кстати говоря, утром вернулась с ночной смены, так что дома.

– Что за человек эта Света?

– Одинокая молодая женщина. Мужиков к себе не водит. Спокойная, работающая. Она была очень привязана к детям, жалела Бориса, но никаких отношений между ними, если вам это интересно, у них не было. Во-первых, Борис тогда еще не отошел после смерти жены, Любаши, которую он сильно любил, во-вторых, Света тогда встречалась с одним человеком... правда, потом они расстались, выяснилось, что он женат. Вот так.

Свету она, конечно, разбудила. Розовое после сна лицо, растрепанные короткие волосы и удивленный взгляд.

– Вы ко мне?

Казалось, Света удивилась так, словно к ней никогда и никто не приходил прежде. Глафира вспомнила характеристику соседок – мужиков к себе не водит. Значит ли это, что Светлана придерживается настолько замкнутого образа жизни, что не принимает вообще никого? Даже подружек? Что ж, и такие люди встречаются. Как правило, люди замыкаются после перенесенных ими тяжелых душевных травм.

– Меня зовут Глафира Кифер. Я – помощник следователя прокуратуры и хотела бы поговорить с вами об исчезновении целого семейства, очень хорошо вам знакомого.

– Проходите, – Светлана смиренно отошла в сторону, впуская посетительницу. Вот так же смиренно, подумалось Глаше, она впускала в свою жизнь беду. – Чаю хотите?

За чаем беседа пойдет легче. Глаша кивнула головой.

– Как вы думаете, куда же делся Борис Трубников со своими детьми? – спросила она.

– Вот понятия не имею, – пожала плечами Светлана.

На вид ей можно было дать лет тридцать с небольшим. Свежая чистая кожа, блестящие волосы, хорошие зубы. Вот только взгляд взрослой, уставшей женщины. На Светлане был легкий голубой халатик, настолько просторный, что можно было бы даже предположить, что она беременна.

– Вам уже, наверное, доложили, что я присматривала за детьми Бориса? – спросила Света. – Чудесные дети, знаете, какие-то породистые, что ли. Умнички, спокойные, с ними практически не было хлопот. Что Петя, что Машенька или Саввочка. Я так к ним привязалась!

– На какие средства Борис содержал семью?

– Он работал гардеробщиком в одном заведении, и еще хозяин ему помогал. И денег подбрасывал, и наказал кому-то из своих работников каждый вечер собирать ему целый пакет еды. Иногда это была готовая еда, иногда –

полуфабрикаты, замороженное мясо. Не говоря уже о сухих пайках – макароны, там, рис, мука... Я же покупала им молоко. Борис был замечательным человеком, но... Как бы вам это сказать... Страдальцем, что ли. У него было такое лицо... Глаза печальные, как у бассет-хаунда. Он с трудом заставлял себя улыбаться на работе. А ведь ему по штату, что называется, полагалось встречать гостей с улыбкой, помогать им раздеться и прочее.

– А что произошло с его женой?

– Она простыла, подхватила воспаление легких и сгорела буквально за неделю. Молодая женщина, очень красивая. Дети все, кроме Савочки, на нее были похожи.

– Светлана, почему вы говорите об этой семье в прошедшем времени?

– Не знаю. Но уж, во всяком случае, не потому, что считаю их погибшими! Я предполагаю, что они все вместе отправились куда-нибудь в сельскую местность. Возможно даже, в Иловатск, где господин Агишин собирался открыть колбасный цех.

– Вы были там?

– Нет. Если бы он хотел – сказал бы. Я никому не собираюсь навязываться! Даже Борису. К тому же надо учитывать, в каком состоянии он находился после смерти жены. Это его решение, и я его уважаю.

– А как же дети? Неужели вы не скучаете и вам не хочется их увидеть?

– Хочется. Но, повторяю, я не хочу никому навязываться. Я уже думала об этом, и не раз. Посудите сами. Вот я приезжаю, к примеру, в Иловатск, вижу Бориса, и что он подумает обо мне? О молодой женщине, незамужней, одинокой, которая нагрянула к нему туда, где он спрятался от своей прежней жизни? Подумал бы, что я влюбилась в него без памяти и вдруг приехала – мол, смотри, как я тебя люблю!

– А вы не любили его?

– Нет, я просто относилась к нему, как к хорошему человеку, нуждавшемуся в помощи. Мы с ним отлично ладили, но не более. Я не испытывала к нему никаких чувств, кроме дружеских, честно! И у нас с ним никогда и ничего не было, хотя ситуации, при которых это было возможно, возникали часто, уж поверьте. Мне даже приходилось неоднократно ночевать в их доме, особенно когда болели дети. Я и еду готовила, если это требовалось. И убиралась. И стирала, если, конечно, это можно назвать работой – машинка-то сама крутится. А вот на глажку времени совсем не оставалось.

– Я поняла вас. И еще вопрос, Света. После того как они исчезли, вы не обращались в милицию?

– Нет. Понимаете, такого не может быть, чтобы семья из четырех человек исчезла каким-либо криминальным образом! Я сразу поняла, что они куда-то уехали.

– Вы поняли это по тому, в каком состоянии они оставили квартиру? Ну, там, к примеру, отсутствие вещей, чемоданов, документов?

– И потому тоже. Квартира не выглядела разгромленной. Видно было, что люди собирались, укладывались... Меня единственно, что удивило, – Борис не продавал квартиру и даже не пытался этого сделать. Откуда у него деньги на то, чтобы начать новую жизнь? Ведь там, куда он уехал, нет господина Агишина, я имею в виду хозяина ресторана, который помогал Борису все последние месяцы после смерти его жены. И еду на блюдечке ему тоже никто там не принесет. Где и каким образом он раздобыл деньги на первое время? В голову мне приходила только одна мысль на этот счет – предположим, он сдал квартиру на длительный срок и получил с жильцов плату. Я ждала, что вот-вот в квартире кто-то поселится, и тогда я узнаю правду! Но прошло полгода, а квартира так и стоит пустая. Представляете, даже ко мне приходили и спрашивали – не могла бы я дать ключи от этой квартиры и пустить туда постояльцев. Люди же знают, в каких отношениях мы были с Борисом, они могут предположить, что у меня остались ключи...

– А разве нет?

– Да, вы правы. У меня есть ключи, но квартирантов я туда не имею права пускать, это же понятно. Вот если бы, к примеру, Борис позвонил мне и сказал,

что он находится в затруднительном положении, мол, не могла бы я ему помочь найти жильцов и взять с них за несколько месяцев вперед, – вот тогда бы я начала действовать, из кожи вылезла бы, но исполнила его просьбу. Но таких звонков, как вы понимаете, не было. Борис исчез.

У Глафиры зазвонил мобильник. Это оказался Сергей Мирошкин.

– Привет, Глафира, – услышала Глаша его бодрый голос.

– Ну что, есть новости?

– Есть. Целый список пропавших без вести. Но мне думается, что будет лучше, если я перешлю тебе все по почте. Это не телефонный разговор.

– Хорошо. Скажи, этот список перед тобой?

– Ну да, а что?

– Нет ли там фамилии Трубников? Борис.

– ...Андреевич, – подсказала Светлана.

– Борис Андреевич Трубников, – повторила Глаша.

– Нет. Трубникова там нет. Это точно. А он тоже пропал?

– Сам же говоришь – не телефонный разговор, – улыбнулась Глафира в предвкушении новых событий, касающихся ее дела. Она почувствовала, что нечто начинает сдвигаться с мертвой точки, однако Трубников к исчезновению Веры Нечаевой не имеет никакого отношения.

Она поблагодарила Мирошкина и снова обратилась к Светлане:

– Кстати! Фамилия Нечаева вам ни о чем не говорит?

– Нечаева?

– Да, Вера Нечаева. Дело в том, что примерно в то же самое время, когда исчез Борис Трубников с детьми, пропала и эта женщина. День в день, шестнадцатого июня две тысячи восьмого года. Сами понимаете, связь между этими исчезновениями так и напрашивается. Особенно если учесть образ жизни этой женщины.

– Не поняла... О каком образе жизни вы говорите? – Светлана нахмурилась.

– Сожитель бил ее, унижал. К тому же она, педагог по образованию, мыла полы в офисе. Так что ей было от чего сбежать и попытаться начать новую жизнь.

– Вы намекаете на то, что они могли быть знакомы, два эти несчастных человека? И сговорились, сбежали? Но ведь это же бред! Он не мог ей ничего предложить, кроме того, чтобы вместе нищенствовать и заботиться о его детях! Нет, нет, это невозможно. Он рассказал бы мне об этом. Он не такой уж и скрытный. Вернее, я хотела сказать, что он мне доверял, понимаете? И я сделала для него немало, то есть вполне заслужила его доверие, – возразила Света.

– Светлана, пожалуйста, не воспринимайте мои слова буквально. Может, между ними и нет никакой связи. Абсолютно никакой. И общее только одно – дата их исчезновения.

– Ой, чайник! Я же поставила чайник! – вдруг воскликнула Светлана.

Светлана выбежала из комнаты, и Глафира наконец-то осмотрелась. Скромная квартира, очень чистая. Она представила себе, как здесь, на толстом ковре, играли дети, как их голоса заполняли все пространство вокруг. Как пахло едой и кипяченым молоком, свежестиранным бельем и зубной пастой. Пока Бориса не было дома, пока он встречал в ресторане посетителей, Светлана за какие-то гроши воспитывала его детей, учила их умываться и чистить зубы, аккуратно складывать свои вещи и игрушки. Еще она наверняка учила их читать и писать. И все это она проделывала с любовью, мечтая скорее всего о собственных детях. Она, по сути, заменила им на какое-то время мать!

– Вот, пожалуйста. Чай, конфеты. Угощайтесь. Извините, что я так разнервничалась. Я не ревную Бориса, нет, говорю же, я никогда не видела в нем... не то чтобы мужчину... Как бы это сказать... Я не верила, что между нами может быть что-то серьезное или тем более обычная интрижка. Ему нужна была другая женщина, такая, которая полюбила бы его без памяти и приняла бы вместе с детьми. Вы не представляете себе, какая это ответственность – воспитывать сразу троих детей! К тому же детей хороших, с чудесными задатками.

– Да вы просто не любили его, вот и вся причина, почему вы не стали жить вместе. Светлана, вы тогда встречались с кем-то? – осторожно спросила Глафира.

– Да, у меня был мужчина. Но потом выяснилось, что он женат, – вздохнула она. – И у него тоже есть дети. Словом, после отъезда Бориса и его детей я осталась совсем одна. И, честно говоря, до сих пор не могу прийти в себя. Время от времени хожу в их квартиру, вспоминаю все, что было. Иногда мне кажется даже, что я слышу их голоса. Не может быть, чтобы с ними что-нибудь случилось... – И она внезапно разрыдалась. – Вы вот поверили мне, что они могли поехать в деревню или еще куда-то. Но я все это просто придумала, чтобы как-то успокоить саму себя! Да, теплые вещи детей и Бориса действительно отсутствовали. И чемоданы тоже. И квартира как будто была в порядке. Но само их исчезновение выглядело неестественным. Он не мог, не должен был так поступать со мной. Я не заслужила того, чтобы он не поделился со мной своими планами! С ними всеми что-то произошло, понимаете? Но вот что, что?! Я даже думала о том, что он мог что-то вдруг увидеть и это явилось причиной его...

– Убийства?

– Да. Я так думала. Потому что прошло полгода, а он не дал о себе знать! Что мешало ему позвонить мне? Написать хотя бы пару строк? Он не такой человек, чтобы забывать своих друзей. И если он молчит, значит, его просто нет. Ну, вот я вам все и сказала.

– Успокойтесь, Светлана. Все, может быть, и не так трагично. Мне жаль, что я своим визитом так вас расстроила. Давайте лучше еще раз осмотрим квартиру, хорошо?

Июнь 2008 г.

– Что с тобой? Ты куда? Что-нибудь случилось?

– Что-то попало в глаз... О-ой... как щиплет, Кира, такое впечатление, будто в глаз попало бревно! Где у тебя ванная комната?

Кира, поддерживая подругу под локоть, провела ее в ванную комнату, включила воду.

– Промой глаз. Непонятно только, что могло тебе туда попасть? Может, тополиный пух? Или паутина? Но у меня нет паутины. Может, мошка? Оля, ты почему молчишь?

Оля вдруг замерла, отняла ладонь от больного покрасневшего глаза и замотала головой:

– Подожди... Сейчас я поморгаю, может, эта дрянь выскочит из-под века, а там уж я ее подцеплю.

Они познакомились в магазине, где двадцатипятилетняя Оля работала продавщицей в отделе шуб, а Кира отвечала за бухгалтерию всех магазинов, принадлежавших Раисе Халимовой, своей хозяйке. Оля встречала покупательниц, улыбалась им, показывая свои чудесные зубки и предлагая дамам новые шубки и шапки, а Кира сидела в самой глубине подсобки, в крохотной комнатке, перед компьютером, и составляла бухгалтерские документы и все считала, считала... Сначала у Киры был маленький офис в другом районе города, но потом и его тоже превратили в склад, и вот теперь она вынуждена была все свое рабочее время проводить в этой тесной, душной комнате с маленьким оконцем под самым потолком. Единственное, что ее спасало от возможной слепоты, – яркая настольная лампа.

Кира, привыкшая к тому, что люди, увидевшие ее в первый раз, отворачиваются, смущаясь, или же, напротив, рассматривают ее нахально, пытаюсь понять, в чем же дело и откуда взялись на этом лице такие странные пропорции – этот непомерно длинный, крупный нос, толстые губы, почти сросшиеся с ноздрями, – впервые оценила такт человека, испытавшего к ней, как ей показалось, искреннюю симпатию. Оля, увидев ее впервые, улыбнулась ей, но не как очередной посетительнице магазина, а как коллеге, которая будет теперь работать по соседству, и пригласила Киру выпить чаю вместе с ней.

– И как только могла наша гримза посадить тебя в эту маленькую клетушку? – возмущалась Оля действиями своей хозяйки. – Как ей не стыдно заставлять первоклассного специалиста работать в таких условиях?

– Первоклассного? Ну, уж ты скажешь... – залилась краской Кира. – Ты же меня совсем не знаешь.

– Я знаю, что ты каждый раз вытаскиваешь Райку за уши из очередной финансовой авантюры с кредитами! И помогаешь ей получить эти самые кредиты. Даже моя мама сказала – мол, эх, был бы у меня такой бухгалтер-финансист, и я бы пустилась в бизнес...

– А мама у нас кто?

– Парикмахер. Всю жизнь мечтает открыть свой салон, да у нее все духу не хватает. Она многое умеет в жизни и сумела бы организовать все так, чтобы и место выбрать хорошее, и клиентами обзавестись, но вот что касается финансов, отчетов разных – в этом она пасует. Ну ничего не понимает! Говорит, что это ей не дано.

– Так я помогу ей! – радостно предложила Кира. – Могу даже бесплатно. Объясню все на пальцах. Пошагово, как теперь говорят.

– Я ей скажу, конечно, но не думаю, что ей это поможет справиться с ее страхами. Вот если бы ты согласилась вести наши дела...

Кира посмотрела на Ольгу. Как-то уж совсем неожиданно поступило это предложение! А что, если Ольга проверяет ее по просьбе Райки? Что, если этот разговор сейчас записывается на диктофон? С Райки станется! Она еще и не так

издевается над своими работниками. По-всякому их проверяет.

Но Оля смотрела на Киру такими глазами, и взгляд ее был таким чистым, что ей хотелось верить беспредельно. В сущности, ну и что, если она согласится? Ведь речь идет о том, чтобы помочь женщине открыть парикмахерский салон. Дело в простой консультации. Во всяком случае, поначалу. И о деньгах можно пока не говорить. А если Ольга настоятельно потребует – обговорить условия, здесь и сейчас, – вот тогда это Киру по-настоящему насторожит! Ведь это будет означать, что запись их беседы – если она ведется – представляет собой настоящую улику, текст, который поможет Райке изобличить своего главного бухгалтера, собирающегося подработать на стороне в ущерб основной работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danilova_anna/smert-otklyuchaet-telefon

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)